

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
20 June 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 121/2020* **

<i>Сообщение представлено:</i>	Н. Е. Р. А. (представлена адвокатом Йоаной Корнехо Гарсия)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Х. М. (сын автора сообщения)
<i>Государство-участник:</i>	Чили
<i>Дата сообщения:</i>	9 июля 2020 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	1 июня 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	возвращение в Испанию ребенка с аутизмом в соответствии с Гаагской конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей
<i>Процедурные вопросы:</i>	злоупотребление правом на представление сообщений; явно не обоснованное сообщение с точки зрения приемлемости; временные меры
<i>Вопросы существа:</i>	меры защиты; семейные права; обеспечение наилучших интересов ребенка
<i>Статьи Конвенции:</i>	3, 9, 11 и 23
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	6 и 7 (пункты с) и f))

* Приняты Комитетом на его девяностой сессии (3 мая — 3 июня 2022 года).

** В рассмотрении сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао, Хинд Аюби Идрисси, Браги Гудбрандссон, Филипп Жаффе, Сопио Киладзе, Гехад Мади, Бэньям Дэвыт Мээмур, Кларенс Нелсон, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Хосе Анхель Родригес Рейес, Айссату Алассане Сидику, Энн Скелтон, Велина Тодорова, Бенуа Ван Кейрсбилк и Рату Зара.

1.1 Автором сообщения является Н. Е. Р. А., гражданка Чили, дата рождения 10 сентября 1977. Она подает настоящее сообщение от имени своего сына Х. М., имеющего двойное гражданство Чили и Испании, родившегося в Чили 14 января 2016 года. Она утверждает, что ее сын является жертвой нарушения статей 3, 9, 11 и 23 Конвенции. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 1 декабря 2015 года.

1.2 В соответствии со статьей 6 Факультативного протокола 21 июля 2020 года Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, просила государство-участника принять временные меры по приостановлению перемещения Х. М. в Испанию на время рассмотрения сообщения Комитетом. По просьбе государства-участника 5 ноября 2020 года Комитет постановил отозвать свой запрос о принятии временных мер при условии, что государство-участник обеспечит осуществление перемещения Х. М. в Испанию без причинения ему непоправимого вреда, а также предоставит гарантии непрерывности его лечения и возможность матери его сопровождать. 27 ноября 2020 года Комитет отклонил новую просьбу автора сообщения о принятии дополнительных временных мер, заключающихся в том, что ребенок должен был после возвращения в Испанию оставаться на попечении своей матери. 29 июня 2021 года Комитет отклонил просьбу государства-участника о том, чтобы вопрос о приемлемости сообщения рассматривался отдельно от существа дела, а также отклонил еще одну просьбу автора сообщения о принятии временных мер. На момент подачи последнего представления автор сообщения скрывалась на территории государства-участника после того, как не выполнила приказ государства-участника о возвращении в Испанию.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 9 мая 2015 года автор сообщения заключила брак в Чили с О. С. Ф. (отцом Х. М.), гражданином Испании. 14 января 2016 года в Чили родился ее сын Х. М. 9 мая 2016 года в связи с частыми командировками отец официальным документом предоставил автору сообщения и ее сыну разрешение на переезд и проживание в выбранном ими месте. В июне 2016 года отец переехал на работу в Израиль. Автор сообщения и ее сын присоединились к нему в августе 2016 года. Однако, поскольку квартира, в которой они жили, была в плохом состоянии, пара решила, что автору сообщения и ее сыну следует переехать в Испанию, которая находится ближе к Израилю, чем Чили, что позволит отцу регулярно их навещать. В ноябре 2016 года автор сообщения и ее сын переехали в Испанию, где их навещал отец. Вскоре после этого отца понизили в должности и перевели в Испанию. Автор сообщения утверждает, что их отношения стали постепенно ухудшаться и отец начал применять психологическое насилие. За это время автор сообщения обнаружила, что у отца развилась зависимость от киберсекса и он стал проводить большую часть дня в общении с незнакомыми людьми в Интернете¹.

2.2 В апреле 2017 года педиатр сообщил супругам, что подозревает у Х. М. задержку речевого развития и одну из форм аутизма. Вскоре после этого пара решила отправиться в Чили для работы над своими отношениями. Однако автор сообщения утверждает, что за несколько дней до поездки отец решил, что не поедет одновременно с ней, а присоединится позже. 27 июля 2017 года автор сообщения и отец подписали разрешение на выезд ее и ее сына в Чили 9 августа 2017 года и возвращение в Испанию 7 сентября 2017 года. Автор сообщения объясняет, что, оказавшись в Чили, она организовала для Х. М. лечение его аутизма, и они решили остаться в стране по крайней мере на два года, т. е. на то время, которое потребуется для лечения зависимости отца, находившегося в Испании. В марте 2018 года, после того как автор сообщения провела семь месяцев в государстве-участнике, отец получил разрешение от своих врачей в Испании на поездку в Чили для посещения семьи, в которой ему было отказано тремя месяцами ранее. Автор сообщения утверждает, что отец ни до, ни во время своего посещения семьи не выражал никакого

¹ В пункте 6 раздела 5 своего постановления (см. п. 2.6 ниже) Верховный суд установил, что данное утверждение в судах низшей инстанции доказано не было.

неодобрения по поводу того, что автор и Х. М. проживают на территории государства-участника.

2.3 26 июля 2018 года отец подал в Министерство юстиции Испании жалобу на автора сообщения в связи с похищением и незаконным удержанием Х. М. в соответствии с процедурой, установленной Гаагской конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Он утверждал, что Х. М. должен проживать в городе Авила, Испания (в доме бабушки и дедушки ребенка по отцовской линии), где Х. М. был внесен в регистр населения, и просил вернуть его в Испанию. В итоге адвокаты отца сняли обвинение в похищении, но в Первом суде по семейным делам города Винья-дель-Мар состоялся суд по обвинению в незаконном удержании ребенка.

2.4 10 января 2019 года Первый суд по семейным делам города Винья-дель-Мар отклонил иск отца на том основании, что автор сообщения «также получила молчаливое и даже явное согласие стороны иска на пребывание в Чили, страны, которая, к тому же, была местом обычного проживания ребенка с момента рождения». Суд установил, что условие, установленное в пункте а) статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей², было выполнено. В дополнение к своим выводам относительно Гаагской конвенции Суд постановил, что он «обязан предвидеть возможные последствия данной меры, принимая во внимание необходимость учета наилучших интересов ребенка, поскольку такие последствия обязательно (в случае возвращения ребенка в Испанию) повлекут за собой резкое и внезапное изменение его жизни, что, учитывая его достаточно доказанное и неоспоримое состояние, создаст для него пагубную и вредную среду, не говоря уже о том, что после возвращения в Испанию в соответствии с испанским законодательством он может быть даже разлучен со своей матерью, что подорвет его стабильность и лишит его максимально возможного уровня защиты»³. В заключение Суд также отметил, что в соответствии с положениями Конвенции «в процессе принятия решения необходимо уделять должное внимание благополучию несовершеннолетнего с соблюдением его индивидуальных прав, учитывая его возраст, состояние и личные обстоятельства, все из которых данный судья принял во внимание в своем окончательном решении»⁴. 5 марта 2019 года Апелляционный суд города Вальпараисо оставил в силе решение суда низшей инстанции. В ответ отец подал исковое заявление на апелляцию.

2.5 26 марта 2019 года Апелляционный суд города Вальпараисо представил Верховному суду государства-участника доклад, в котором, в частности, указывалось: а) не был окончательно доказан факт исключительного и постоянного проживания Х. М. в Испании, и поэтому местом его обычного проживания следует считать страну его происхождения; б) было полностью установлено, что Х. М. отправился в государство-участник с разрешения своего отца и что позднее, по окончании срока, предусмотренного для этой поездки, его отец дал согласие и разрешение на дальнейшее пребывание Х. М. в стране происхождения, которое, учитывая состояние его здоровья, должно было быть долгосрочным; в) было доказано, что Х. М. полностью интегрировался в новую среду и что перевод его в Испанию повлечет за собой нарушение его привычного распорядка и, следовательно, серьезно повлияет на его стереотипное и повторяющееся поведение, которое требует мер защиты и поддержки; г) не было совершено противоправное действие, рассматриваемое статьей 3 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, и к данному делу применим пункт а) статьи 13 Конвенции; а также е) судом должны были быть определены возможные последствия возвращения

² Статья 13: «...судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан отдавать распоряжение о возвращении ребенка, если лицо, учреждение или другой орган, выступающий против его возвращения, докажет, что: а) лицо, учреждение или другой орган, осуществляющие заботу о ребенке... дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых».

³ RIT C-2505-2018, p. 28, preambular para. 10.

⁴ Ibid.

Х. М., принимая во внимание обеспечение наилучших интересов ребенка, и в этом отношении он поддержал выводы суда низшей инстанции.

2.6 3 сентября 2019 года Верховный суд поддержал жалобу и удовлетворил ходатайство отца, отменив решения суда первой инстанции и Апелляционного суда и постановив немедленно вернуть Х. М. в Испанию. Автор сообщения отмечает, что в решении Верховного суда не было указано, на каких условиях должно происходить возвращение Х. М., в сопровождении каких лиц он должен совершить поездку, а также где, с кем и в каких условиях он в конечном итоге будет проживать. Автор сообщения решила проигнорировать постановление Верховного суда, в результате чего ее действия были расценены как проявление неуважения к суду.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что, приняв решение о возвращении Х. М. в Испанию, государство-участник нарушило его права по статьям 3, 9, 11 и 23 Конвенции. В отношении статьи 3 автор сообщения напоминает, что концепция обеспечения наилучших интересов ребенка является основным правом, принципом толкования норм права и правилом процедуры. Она добавляет, что оценка таких интересов должна проводиться в каждом отдельном случае с учетом конкретных обстоятельств, уделяя особое внимание различным видам и степени уязвимости каждого ребенка. Она подчеркивает, что, если в исключительном случае избранный вариант не отвечает наилучшим интересам ребенка, необходимо изложить основания, по которым он был избран, с тем чтобы продемонстрировать, что, несмотря на результат, обеспечению наилучших интересов ребенка было уделено первоочередное внимание; также следует четко изложить все соображения в связи с рассматриваемым случаем и пояснить, на каком основании они были признаны более весомыми в данном конкретном случае⁵. Автор сообщения подчеркивает особую уязвимость ее сына, у которого диагностирован аутизм. Она утверждает, что конкретно в его деле Верховный суд не рассмотрел обстоятельств наилучшего обеспечения интересов Х. М. и не придавал им должного значения, поскольку, как указано в его постановлении, он основывал свое решение исключительно на Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а не на строгом соблюдении по форме и по существу принципа, закрепленного в статье 3 Конвенции.

3.2 В отношении статьи 9 Конвенции автор утверждает, что из-за аутизма Х. М. его разлучение с матерью будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья. Она утверждает, что разлучение ребенка с родителями должно быть крайней мерой и что Верховный суд не принял это во внимание. В связи с этим автор сообщения утверждает, что возвращение Х. М. в Испанию нарушит его права, закрепленные в статье 9 Конвенции.

3.3 В отношении статьи 11 Конвенции автор сообщения утверждает, что государство-участник не должно передавать ребенка в страну, если есть разумные основания полагать, что ему будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда. Она повторяет, что в силу аутизма Х. М. особенно уязвим и что она является его основным опекуном, что его отец принимал ограниченное участие в его жизни и лечении, что Х. М. родился в государстве-участнике и получает там медицинскую помощь и что он не подвергался незаконному перемещению или удержанию. В этой связи автор сообщения утверждает, что перемещение ее сына в Испанию будет представлять собой нарушение статьи 11 Конвенции.

3.4 Автор также утверждает, что в нарушение статьи 23 Конвенции Верховный суд не принял должным образом во внимание состояние Х. М., у которого в раннем возрасте был диагностирован аутизм и который получает медицинскую помощь в Чили. Она добавляет, что его перемещение в Испанию на практике приведет к разлуке с матерью, являющейся его основным опекуном, с которой он чувствует себя в безопасности и установил самые крепкие эмоциональные связи. Она утверждает, что

⁵ Автор также расширительно толкует замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета по правам ребенка.

это серьезно подорвет физическую и эмоциональную целостность Х. М., так как у него не возникло необходимых привязанности и доверия к отцу, которые сделали бы ребенка в его юном возрасте и в его состоянии полностью счастливым.

3.5 Автор сообщения просит Комитет рекомендовать отменить постановление Верховного суда; Х. М. должен остаться в государстве-участнике и не разлучаться с матерью; все принудительные меры, принятые против автора сообщения вследствие признания ее действий проявлением неуважения к суду, должны быть прекращены; она должна оставаться лицом, осуществляющим уход за Х. М.; и родительские права отца должны быть определены судьей государства-участника.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих замечаниях по приемлемости от 20 ноября 2020 года государство-участник утверждает, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым в соответствии с пунктами с) и f) статьи 7 Факультативного протокола.

4.2 Что касается пункта с) статьи 7 Факультативного протокола, государство-участник утверждает, что в отношении неотрегулированного статуса Х. М., чье юридическое местожительство находится в Испании, а также в отношении соблюдения его прав и прав его отца, высшая судебная инстанция государства-участника в своем постановлении основывала правовую аргументацию на обязательстве государства-участника соблюдать положения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Государство-участник утверждает, что намерение автора сообщения сводится к тому, чтобы рассматривать Комитет как апелляционный орган, цель которого заключается в исправлении возможных ошибок в применении права, предположительно допущенных национальными судами при толковании и применении норм внутреннего и международного права, являющихся действительными в отношении государства-участника. Оно отмечает, что автор сообщения просит Комитет пересмотреть факты, послужившие основанием для судебного разбирательства, и вынести решение в ее пользу, что подразумевает выступление в качестве апелляционного органа. Государство-участник утверждает, что пересмотр фактов не входит в компетенцию Комитета, который должен ограничиться оценкой поведения государства в отношении его обязательств по Конвенции и Факультативным протоколам на основе фактов, которые уже были установлены судами государства-участника. В свете вышеизложенного государство-участник считает, что Комитет не обладает юрисдикционными полномочиями для удовлетворения просьб автора сообщения.

4.3 Что касается пункта f) статьи 7 Факультативного протокола, то государство-участник утверждает, что автор сообщения не представила достаточных аргументов для установления наличия достаточно серьезных доказательств нарушения Конвенции или первого и второго Факультативных протоколов национальными судами. Оно заявляет, что автор основывает свое сообщение на предполагаемом нарушении прав Х. М., вытекающим из правовой аргументации Верховного суда, и вновь заявляет, что Комитет некомпетентен по-новому толковать внутреннее законодательство или правовую аргументацию, лежащую в основе внутренних решений⁶. Государство-участник утверждает, что аргументы автора сообщения (см. п. 3.1 выше) подразумевают, что тот факт, что Верховный суд основывал свое решение только на Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, без всякого сомнения означает, что данный суд игнорировал общий принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции. Однако это не так, поскольку преамбула Гаагской конвенции гласит, что «интересы детей имеют первостепенное значение в вопросах, касающихся их опеки». Это означает, что два международных договора согласованы в своей цели защиты наилучших интересов детей, что соответствует выводам, содержащимся в постановлении Верховного суда. Государство-участник далее добавляет, что Верховный суд признал присутствие Х. М. в государстве-участнике незаконным и в

⁶ Государство-участник цитирует дело *У. А. И. против Испании* (CRC/C/73/D/2/2015), п. 4.2; а также *А. Р. Г. против Испании* (CRC/C/85/D/92/2019), п. 4.2.

соответствии со своими обязательствами по Гаагской конвенции, должным образом учитывающей наилучшие интересы ребенка, постановил вернуть его в Испанию. Оно утверждает, что порядок опеки и посещения, родительские полномочия сторон и все другие аспекты, связанные с уходом за Х. М., должны быть определены в ходе независимого судебного разбирательства в государстве обычного проживания ребенка.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

5.1 В своих замечаниях по существу сообщения от 22 марта 2021 года государство-участник просило Комитет отклонить просьбы автора сообщения на том основании, что утверждения, на которых они основаны, не соответствуют действительности и не представляют собой нарушения прав, закрепленных в Конвенции. Оно утверждает, что, вопреки утверждениям автора сообщения, все решения и меры, принятые государством-участником, были направлены на обеспечение соблюдения его обязательств по Конвенции.

5.2 Государство-участник отмечает, что утверждения автора сообщения относительно опеки над Х. М. основаны на неверном предположении относительно содержания спора, являющегося предметом сообщения. Оно также отмечает, что автор сообщения неоднократно заявляла, что она будет разлучена с Х. М. в случае его возвращения в Испанию. Государство-участник разъясняет, что опека над детьми не определяется на основе применения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, целью которой не является защита фактических ситуаций, изменившихся в результате неправомерного перемещения ребенка или подростка в другое государство или их невозвращения в государство обычного проживания. Цель Гаагской конвенции заключается в том, чтобы после возвращения ребенка стороны, стремящиеся к получению над ним опеки, обращались в компетентные органы государства, в котором ребенок обычно проживал до его перемещения, поэтому в статье 16 предусмотрено приостановление производства по делу об опеке в государстве, в котором неправомерно удерживается ребенок⁷. Государство-участник поясняет, что Верховный суд постановил, что имеется достаточно доказательств, подтверждающих: а) факт того, что Испания была местом обычного проживания Х. М.; б) а также того, что выполнение отцом Х. М. своих обязательств по отношению к ребенку не может быть истолковано как согласие отца сделать государство-участник местом постоянного проживания Х. М. Учитывая вышеизложенное, Верховный суд установил факт незаконного проживания Х. М. в государстве-участнике и в соответствии с Гаагской конвенцией постановил вернуть его в страну его обычного проживания; не определяя при этом, кто должен осуществлять опеку над ребенком или нести ответственность за его уход, поскольку эти вопросы не являлись предметом судебного разбирательства.

5.3 Что касается наилучших интересов Х. М., государство-участник утверждает, что оно полностью осознает и выполняет свое обязательство согласно пункту 1 статьи 3 Конвенции⁸. Оно также утверждает, что национальные суды, включая Верховный суд, учитывали необходимость обеспечения наилучших интересов Х. М. на протяжении всего разбирательства. По мнению государства-участника, судебное разбирательство показывает, что были приняты меры для обеспечения наилучших интересов Х. М. в соответствии с замечанием общего порядка № 12 (2009) Комитета по правам ребенка⁹. Государство-участник указывает, что были предоставлены все

⁷ Государство-участник подробно цитирует доклад о Гаагской конвенции, подготовленный докладчиком по Гаагской конвенции Элисой Перес-Вера, озаглавленный «Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: пояснительный доклад», Мадрид, апрель 1981 года, пп. 11–19 (“Convention on the civil aspects of international child abduction: explanatory report”, Madrid, April 1981, paras. 11–19), размещенный на сайте <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=2779>.

⁸ Государство-участник приводит различные положения национального законодательства, отражающие данный принцип, а также различные постановления Верховного суда, в которых он применялся.

⁹ См. п. 70.

гарантии, например, по приглашению обеих сторон и самого суда¹⁰ в разбирательстве принимали активное участие подготовленные специалисты; решения принимались в кратчайшие сроки в соответствии с упрощенной процедурой, предусмотренной Гаагской конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей¹¹; решения суда первой инстанции, Апелляционного суда и Верховного суда были должным образом обоснованы и мотивированы¹²; кроме того, автор сообщения имела доступ к механизмам, позволяющим ей обжаловать все принятые решения или потребовать их пересмотра¹³.

5.4 В ответ на утверждение автора о том, что Верховный суд не рассматривал принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка, а основывал свое решение исключительно на Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, государство-участник поясняет, что применение Гаагской конвенции непосредственно направлено на обеспечение соблюдения обязательства учитывать наилучшие интересы ребенка согласно Конвенции о правах ребенка¹⁴. Государство-участник подчеркивает, что из статьи 11 Конвенции о правах ребенка и преамбулы Гаагской конвенции ясно следует, что эти два договора совпадают в своей цели обеспечить защиту наилучших интересов несовершеннолетних. Оно утверждает, что в пункте 2 статьи 11 Конвенции о правах ребенка содержатся ссылки именно на такие соглашения как Гаагская конвенция и что сам Комитет в своем замечании общего порядка № 5 (2003) рекомендует государствам-участникам ратифицировать Гаагскую конвенцию¹⁵. В связи с этим государство-участник подчеркивает несостоятельность утверждений, заключающихся в том, что Верховный суд не учел наилучшие интересы Х. М.

5.5 Что касается необходимости учета наилучших интересов ребенка на протяжении всего разбирательства, государство-участник ссылается на промежуточное слушание по вопросу об исполнении решения Верховного суда, которое не состоялось на момент подачи сообщения. Государство-участник утверждает, что этот этап имеет важное значение, поскольку он предназначен для совместного определения сторонами способа обеспечения безопасного возвращения ребенка в страну его обычного проживания, что гарантирует постоянный учет его наилучших интересов и исключает возможность причинения ему непоправимого вреда. Государство-участник заявляет, что утверждения автора сообщения, опирающиеся исключительно на решение Верховного суда, основаны на упрощенном подходе, поскольку в целом национальное законодательство государства-участника предусматривает процессуальные механизмы, позволяющие судьям обеспечить учет наилучших интересов детей и постоянную защиту их других прав.

5.6 Государство-участник указывает, что Суд по семейным делам города Винья-дель-Мар 6 ноября 2020 года провел вышеупомянутое слушание, на котором присутствовала автор сообщения. На слушании было решено, что: а) поездка Х. М. в

¹⁰ Государство-участник цитирует замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета по правам ребенка, п. 92.

¹¹ Там же, п. 93.

¹² Там же, п. 97.

¹³ Там же, п. 98.

¹⁴ Государство-участник вновь ссылается на пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, в пункте 23 которого указано, что «диспозитивная часть Конвенции не содержит прямых указаний на то, что интересы ребенка определяют заявленную цель Конвенции, которая заключается в обеспечении быстрого возвращения неправомерно перемещенных или удерживаемых детей. Однако молчание по этому вопросу не должно приводить к выводу, что Конвенция игнорирует социальную парадигму, в соответствии с которой провозглашается необходимость учета интересов детей при регулировании всех касающихся их проблем. Напротив, с самого начала подписавшие его государства заявляют, что они «твердо убеждены в том, что интересы детей имеют первостепенное значение в вопросах, касающихся опеки над ними»; именно из-за этого убеждения они разработали Конвенцию, желая защитить детей в международном масштабе от вредных последствий их незаконного перемещения или удержания».

¹⁵ См. приложение I.

Испанию будет совершена в сопровождении автора сообщения, являющейся для него главным лицом, оказывающим ему поддержку, и будет оплачена его отцом; b) действие ордера на арест, выданного в отношении автора сообщения в государстве-участнике в результате объявления ее действий как проявления неуважения к суду, будет приостановлено; c) судье по вопросам взаимодействия в государстве-участнике будет предложено связаться с судьей по вопросам взаимодействия в Испании для обеспечения того, чтобы ордер на арест, выданный в этой стране в отношении автора сообщения, не был исполнен в случае выполнения ею решения о перемещении X. М. в Испанию; d) X. М. должен вернуться в Испанию, совершив поездку только в один конец, в сопровождении своей матери, являющейся для него главным лицом, оказывающим ему поддержку (в соответствии с рекомендацией Ассоциации «Аланда» (Asociación Alanda), учреждения, специализирующегося на расстройствах аутистического спектра). В решении также говорится о том, что автор сообщения имела право принять любые другие меры личного характера, которые она посчитала бы уместными, такие как предоставление ребенку еды или игрушек, или совершение других действий для облегчения передачи X. М. Поездка была запланирована на 30 ноября 2020 года, однако государство-участник поясняет, что она не состоялась, поскольку автор сообщения вместе с X. М. не явилась в согласованное время в аэропорт. Оно подчеркивает, что несоблюдение автором сообщения достигнутых договоренностей затрудняет сотрудничество заинтересованных сторон и препятствует безопасному возвращению X. М. в соответствии с его наилучшими интересами и во избежание причинения ему необратимого вреда.

Комментарии автора сообщения по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 31 марта 2021 года автор сообщения представила свои комментарии по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения. Во-первых, автор сообщения утверждает, что решение Верховного суда проигнорировало Конвенцию в части соблюдения таких важных принципов как обеспечение наилучших интересов ребенка и тем самым отдало приоритет Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Она добавляет, что решение было основано исключительно на аргументе, что Испания является страной постоянного проживания X. М., без должного рассмотрения вопроса о том, применимо ли какое-либо из оснований, установленных в Гаагской конвенции, к возражениям против его возвращения.

6.2 Во-вторых, автор сообщения заявляет, что утверждение о том, что она стремится решить вопрос об опеке над X. М. посредством данного сообщения, не соответствует истине, и утверждает, что именно суд в Чили, стране, в которой X. М. прожил большую часть своей жизни, должен определить родительские полномочия каждого из родителей. Она утверждает, что ей было предложено передать X. М. его отцу, а затем вернуться в государство-участник или же полностью подчиниться любым решениям, которые государство-участник примет в отношении нее и ее сына. Она добавляет, что отец практически не общался с X. М. и не обладает необходимыми знаниями для оказания поддержки, в которой нуждается ребенок с учетом его состояния, поскольку отец никогда не принимал участия в его воспитании и уходе, помимо оказания экономической помощи.

6.3 В-третьих, автор сообщения утверждает, что обязательства, взятые государством-участником в качестве предварительного условия для отозвания Комитетом ее запроса о мерах защиты, в обязательном порядке подразумевали, что она останется рядом с X. М. в соответствии с рекомендациями его врачей. Однако автор сообщения подчеркивает, что в ее билете на самолет дата возвращения была указана на следующий день после прибытия в Испанию и что поездка должна была быть совершена в соответствии с рекомендациями учреждения, которое никогда не оказывало помощь X. М. и чьи рекомендации не отвечали реальным потребностям ребенка. Она добавляет, что утверждение государства-участника о том, что она не была обязана передавать X. М. его отцу и что ей будет разрешено остаться с X. М. после поездки, является ложным, поскольку судья по вопросам взаимодействия сам сообщил ей, что он не может гарантировать, что в Испании против нее не ведется

никакого разбирательства. В заключение автор сообщения утверждает, что Верховный суд должен был учесть, что ее разлучение с Х. М. может иметь серьезные последствия для его стабильности и что данный суд не взвесил обстоятельств дела с целью вынесения решения о ее разлучении с Х. М. только в качестве крайней меры. Она подчеркивает, что ходатайство о возвращении было неприемлемым, поскольку не было нарушено право на опеку: Чили всегда была страной обычного проживания Х. М. и местом, где он прожил большую часть своей жизни, имеет эмоциональные связи, посещает социальный центр, получает медицинскую помощь и живет в своей семье.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 В соответствии с правилом 20 своих правил процедуры согласно Факультативному протоколу, прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

7.2 Комитет отмечает, что автор сообщения оспаривает решение Верховного суда о возвращении Х. М., которое является окончательным. Соответственно, поскольку государство-участник не выдвинуло никаких возражений по этому поводу, Комитет считает, что все имеющиеся внутренние средства правовой защиты должны считаться исчерпанными, и приходит к выводу, что пункт е) статьи 7 Факультативного протокола не является препятствием для признания сообщения приемлемым.

7.3 Комитет принимает к сведению мнение государства-участника о том, что сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии с пунктами с) и f) статьи 7 Конвенции (см. п. 4.1 выше). В частности, он отмечает аргумент государства-участника о том, что Комитет не может выступать в качестве апелляционного органа для исправления юридических ошибок в толковании и применении норм внутреннего и международного права, действующих для государства-участника, или в правовой аргументации, лежащей в основе конкретного внутреннего решения (см. пп. 4.2 и 4.3 выше). Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что применение Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей направлено на обеспечение защиты наилучших интересов ребенка в соответствии с Конвенцией и что в настоящем сообщении не установлено наличие достаточно серьезных доказательств нарушения Конвенции (см. п. 4.3 выше).

7.4 Комитет напоминает, что, как правило, рассмотрение фактов и доказательств и толкование норм национального законодательства входит в компетенцию национальных органов, за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение или толкование является очевидно произвольным или равносильным отказу в правосудии¹⁶. Комитет считает, что в случаях международного возвращения детей и подростков роль Комитета заключается не в том, чтобы решать, была ли правильно истолкована или применена национальными судами Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а в том, чтобы обеспечить соответствие такого толкования или применения обязательствам, установленным Конвенцией¹⁷. В данном деле Комитет принимает к сведению аргумент автора сообщения о том, что в своем решении Верховный суд неправильно применил концепцию обеспечения наилучших интересов ребенка как по форме, так и по существу (см. п. 3.1 выше). Во-первых, Комитет считает, что рассмотрение этого утверждения не означает взятие им на себя роли апелляционного органа или пересмотр толкования национальными судами норм национального законодательства,

¹⁶ См. в этой связи решение Комитета о неприемлемости по делу *У. А. И. против Испании* (CRC/C/73/D/2/2015), п. 4.2; *Наварро Пресентасьон и Медина Паскуаль против Испании* (CRC/C/81/D/19/2017), п. 6.4; а также *А. Р. Г. против Испании* (CRC/C/85/D/92/2019), п. 4.2.

¹⁷ Межамериканская комиссия по правам человека, *X и Z против Аргентины*, дело № 11.676, отчет № 71/00, п. 43.

действующих в государстве-участнике; скорее, это может означать рассмотрение вопроса о соответствии внутренних решений обязательствам государства-участника по Конвенции в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола. Во-вторых, Комитет отмечает, что, поскольку принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции, налагает как процедурные, так и материальные обязательства, в компетенцию Комитета входит проверка соответствия этим обязательствам аргументации, лежащей в основе решений, принятых национальными судами¹⁸. В-третьих, Комитет считает, что само существо утверждений автора сообщения заключается в определении объема обязательств государства-участника по Конвенции в отношении решений, принятых на основе Гаагской конвенции, что было достаточно обосновано для целей приемлемости, тем более что Комитет до сих пор не сделал никаких заявлений по этому вопросу. Таким образом, Комитет считает, что пункты с) и f) статьи 7 Факультативного протокола не являются препятствием для признания сообщения приемлемым.

7.5 Комитет также принимает к сведению аргумент автора сообщения о том, что решение о возвращении Х. М. в Испанию нарушает статьи 9 и 23 Конвенции (см. пп. 3.2 и 3.4 выше), поскольку его возвращение будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья, особенно с учетом его аутизма, поскольку это повлечет за собой его разлуку с матерью, которая является его основным опекуном и человеком, с которым у него установлены самые крепкие эмоциональные связи (там же). Комитет отмечает, что данные утверждения основаны на фактической предпосылке, сводящейся к тому, что возвращение Х. М. фактически повлечет за собой его разлуку с матерью. Комитет вновь напоминает, что в его функции, как правило, не входит установление или пересмотр вопросов фактов, определенных национальными судами. Однако, поскольку автор сообщения утверждает, что Верховный суд не уделил должного внимания ее возможному расставанию с Х. М. и тому влиянию, которое такое расставание окажет на ребенка ввиду его особой уязвимости, Комитет считает, что эти утверждения были достаточно обоснованы для целей приемлемости, поскольку они могут быть признаны равносильными нарушениям статьи 3 Конвенции в совокупности со статьями 9 и 23.

7.6 Что касается утверждений, представленных в соответствии со статьей 11 Конвенции, то Комитет считает, что автор сообщения не обосновала в достаточной степени свое утверждение о том, что права Х. М. по этой статье были нарушены решением о его возвращении в Испанию. Таким образом, Комитет делает вывод о том, что эти утверждения недостаточно обоснованы и являются неприемлемыми согласно пункту f) статьи 7 Факультативного протокола.

7.7 Соответственно, Комитет признает приемлемыми утверждения автора согласно статье 3 Конвенции в совокупности со статьями 9 и 23, поскольку, возможно, наилучшие интересы Х. М. не были должным образом учтены, в частности в связи с его возможной разлукой с матерью и тем влиянием, которое это окажет на его психическое здоровье с учетом его аутизма, и переходит к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 10 Факультативного протокола.

8.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Конвенции, государства-участники должны обеспечить первоочередной учет наилучших интересов ребенка во всех действиях или решениях, предпринимаемых в отношении детей государственными учреждениями. Комитет также напоминает, что решение о возвращении ребенка в другую страну является «действием» по смыслу статьи 3 Конвенции. Комитет далее напоминает, что наилучшие интересы ребенка должны

¹⁸ См. замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета, пп. 14 b) и 97. См. также дело *А. Б. против Финляндии* (CRC/C/86/D/51/2018), п. 12.4.

быть «скорректированы и определены на индивидуальной основе в соответствии с конкретной ситуацией ребенка... с учетом его личного контекста, положения и потребностей»¹⁹. В этой связи Комитет должен определить, был ли учет наилучших интересов ребенка основным соображением, согласно статье 3 Конвенции, при принятии Верховным судом решения о возвращении Х. М. в Испанию в порядке применения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей.

8.3 Во-первых, Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что применение Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей непосредственно направлено на обеспечение выполнения его обязательства учитывать наилучшие интересы ребенка в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и что поэтому нельзя утверждать, что Верховный суд не учел наилучшие интересы Х. М. (см. п. 5.4 выше). В этой связи Комитет отмечает, что Конвенция о правах ребенка должна толковаться в соответствии с общими принципами международного права. При любом таком толковании необходимо должным образом учитывать контекст применения Конвенции, который, согласно пункту 3 с) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, включает «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами», и, в частности, нормы, касающиеся международной защиты прав человека. Таким образом, что касается международного похищения детей, Конвенция о правах ребенка должна толковаться с учетом обязательств государств-участников по Гаагской конвенции, тем более что, как признает государство-участник (см. п. 5.4 выше), в соответствии со статьей 11 Конвенции о правах ребенка, государства-участники должны принимать меры против незаконного вывоза и удержания детей за границей, в том числе путем присоединения к таким соглашениям, как Гаагская конвенция²⁰.

8.4 В этой связи Комитет признает сложность и разнообразие обстоятельств, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае, а также тот факт, что цели Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а именно: предотвращение похищения детей и их немедленное возвращение, направлены на обеспечение защиты наилучших интересов ребенка²¹. Комитет отмечает, что Гаагская конвенция устанавливает твердую презумпцию того, что обеспечение наилучших интересов ребенка означает его немедленное возвращение. Однако эта презумпция может быть опровергнута исключениями, установленными в статьях 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, в соответствии с которыми в каждом конкретном случае требуется определение того, будет ли в действительности такое возвращение вступать в явное противоречие с обеспечением наилучших интересов ребенка. В таких случаях наилучшие интересы ребенка по смыслу статьи 3 Конвенции о правах ребенка являются основным соображением при принятии решения о возвращении. Однако Комитет отмечает, что вышесказанное не означает, что решение о международном возвращении ребенка, принятое национальным судом исключительно на основании Гаагской конвенции, в обязательном порядке обеспечивает соблюдение обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка. В частности, поскольку право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы учитывались в первую очередь, предполагает применение процессуальных гарантий и толковательных стандартов, нельзя просто заявить, что все решения национальных судов, принятые исключительно на основании Гаагской конвенции, неизбежно приведут к соблюдению статьи 3 Конвенции о правах ребенка. Именно национальные суды должны обеспечить соблюдение стандартов статьи 3 Конвенции в каждом

¹⁹ См. замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета, пп. 17 и 32.

²⁰ См. замечание общего порядка № 5 (2003) Комитета, приложение I.

²¹ Среди прочего, Гаагская конвенция направлена на защиту права детей не быть незаконно вывезенными или удержанными, на то, чтобы решение об опеке или попечительстве принималось судьей по месту их обычного проживания, на поддержание регулярных контактов с обоими родителями и их семьями и на быстрое разрешение просьбы о возвращении. См. пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, пп. 11 и 24–25.

решении, в котором применяются или используются исключения, предусмотренные статьями 12, 13 и 20 Гаагской конвенции.

8.5 В свете вышеизложенного Комитет считает, что при принятии решений по делам о международном похищении детей национальные суды должны, во-первых, эффективно оценивать факторы, которые могут составлять исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка (согласно статьям 12, 13 и 20 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей), в частности, когда такие факторы поднимаются одной из сторон разбирательства, а также принимать достаточно обоснованное решение по этому вопросу²². Во-вторых, такие факторы должны оцениваться с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка. Комитет подчеркивает, что второе условие в значительной степени зависит от фактических определений, которые, как правило, относятся к юрисдикции национальных судов. Комитет также отмечает, что, учитывая, что Гаагская конвенция призвана обеспечить справедливый баланс между стандартом, устанавливающим презумпцию в пользу международного возвращения ребенка, и факторами, которые в определенных случаях могут сделать такое возвращение противоречащим наилучшим интересам ребенка, представляется маловероятным, что надлежащее соблюдение вышеупомянутых процедурных гарантий приведет к существенному нарушению статьи 3 Конвенции.

8.6 Комитету известно, что целью Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей является возвращение детей в страны их обычного проживания, чтобы в случае необходимости вопросы опеки и защиты детей решались в данной юрисдикции. Он также осознает, что решения о возвращении должны приниматься в оперативном порядке с целью обеспечения надлежащего восстановления нормального положения ребенка и практических гарантий осуществимости возвращения, во избежание искажения цели и объекта Гаагской конвенции²³. В связи с этим Комитет полагает, что в соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка следует придерживаться строгого толкования исключений из обязательства вернуть ребенка, установленных в Гаагской конвенции²⁴. От национальных судей, призванных применять Гаагскую конвенцию, нельзя требовать такого же уровня изучения наилучших интересов ребенка, как и от судей, призванных принимать решения об опеке, порядке посещения или других связанных с этим вопросов, особенно в случае отсутствия доступа первого из вышеупомянутых судей к тем же доказательствам и информации, что и судей страны обычного проживания. Тем не менее судья, выносящий решение о возвращении, должен оценить с учетом ограниченных исключений, установленных в Гаагской конвенции, и в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции о правах ребенка степень, в которой возвращение может нанести ребенку физический или психологический ущерб или иным образом будет явно противоречить его наилучшим интересам.

8.7 Рассмотрев первоначальный вопрос о стандарте, применяемом в соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка к случаям международного возвращения детей (см. п. 8.2 выше), Комитет должен теперь определить, в какой степени в конкретном случае Х. М. в решении Верховного суда соблюдался этот стандарт. Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что все решения были должным образом обоснованы и мотивированы (см. п. 5.3 выше). Он также отмечает, что после тщательного анализа доказательств и применимых стандартов Первый суд по семейным делам города Винья-дель-Мар, чье решение было позже подтверждено в апелляции, согласно пункту а) статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, отклонил

²² См. в этой связи Европейский суд по правам человека, *X против Латвии* (жалоба № 27853/09), п. 106. Данный подход соответствует процедурным гарантиям, упомянутым в замечании общего порядка № 14 (2013) Комитета, в частности, гарантиям, касающимся юридического обоснования и оценки воздействия на права ребенка: см. пп. 97 и 99 соответственно.

²³ См. пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, п. 22.

²⁴ Там же, п. 34; *X против Латвии*, п. 107; и Европейский суд по правам человека, *Момуссо и Вашингтон против Франции* (жалоба № 39388/05), п. 73.

ходатайство о возвращении Х. М. на основании того, что отец дал согласие на пребывание ребенка в государстве-участнике (см. п. 2.4 выше). Суд по семейным делам также отметил, что следует уделить должное внимание тому факту, что возвращение Х. М. создаст для него «пагубную и вредную среду», особенно в свете его особой уязвимости, из-за потенциальной разлуки с матерью, роль которой в жизни Х. М. особенно важна с учетом его состояния (см. п. 2.4 выше). Эти выводы стали частью анализа наилучших интересов ребенка в значении, предусмотренном Конвенцией о правах ребенка (см. п. 2.4 выше). Комитет также отмечает, что решение Верховного суда отменило постановление инстанции суда по семейным делам на том основании, что доказанные факты не могут быть истолкованы как согласие отца сделать Чили местом постоянного проживания Х. М. (см. п. 5.2 выше). Наконец, Комитет отмечает, что Верховный суд в своем решении указал, что автор сообщения не доказала наличие серьезного риска в связи с запрошенным возвращением²⁵.

8.8 Комитет считает, что решение Верховного суда не опровергает должным образом ряд элементов, установленных и включенных в решение суда первой инстанции, а также подтвержденных Апелляционным судом, которые имели значение для определения того, должен ли Х. М. быть возвращен в Испанию, прежде всего с учетом его особой уязвимости, вызванной аутизмом, а также его потенциальной разлуки с матерью, занимающей в его жизни важное место в связи с его состоянием. Вышесказанное тем более имеет значение в связи с тем, что данное решение отменяет выводы нижестоящих судов в отношении исключения, установленного в пункте а) статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Несмотря на понимание того, что разлука, какой бы тяжелой она ни была для ребенка, автоматически не отвечает критерию серьезности риска, например, в свете требований пункта б) статьи 13 Гаагской конвенции²⁶; необходимо должным образом рассмотреть реальную возможность для родителя вернуться в страну обычного проживания ребенка и поддерживать с ним контакт, особенно в деле, подобном делу Х. М., учитывая описанные выше обстоятельства²⁷. В частности, особое внимание следовало уделить его юному возрасту на момент вынесения решения Верховным судом (три года), тому факту, что автор сообщения была особым лицом для Х. М. во время его лечения аутизма в государстве-участнике в течение предыдущих двух лет, а также тому, что в отношении автора был выдан ордер на арест в Испании (п. 5.6). Комитет отмечает, что в решении Верховного суда говорится только о правах отца и ничего не говорится о правах или наилучших интересах Х. М. Соответственно, не вдаваясь в обсуждение оценки Верховным судом фактов и применимых стандартов, Комитет считает, что отсутствие достаточной аргументации в решении Верховного суда не позволяет ему подтвердить, что суд эффективно оценил описанные выше факторы.

8.9 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сфера действия сообщения не может быть сведена к решению Верховного суда, поскольку промежуточное слушание по исполнению постановления о возвращении было проведено в целях обеспечения безопасного возвращения ребенка в страну его обычного проживания и тем самым обеспечения его наилучших интересов, во избежание причинения ему непоправимого вреда (см. п. 5.5 выше). Однако Комитет считает, что решение Верховного суда предписывает немедленное возвращение Х. М. в Испанию без указания условий, на которых должно состояться его возвращение (см. п. 2.6 выше). Кроме того, Комитет отмечает, что промежуточное слушание, состоявшееся 6 ноября 2020 года, было ограничено исполнением постановления о возвращении и поэтому не могло исправить неспособность Верховного суда

²⁵ В преамбуле п. 9 решения Верховного суда. Это объясняется тем, что автор сообщения сослалась на исключение, предусмотренное пунктом б) статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, на основании того, что предполагаемая зависимость отца может подвергнуть опасности Х. М., утверждение, которое Суд счел недоказанным.

²⁶ Европейский суд по правам человека, *К. Ж. против Польши* (жалоба № 30813/14), п. 67; а также Европейский суд по правам человека, *Г. С. против Грузии* (жалоба № 2361/13), п. 56.

²⁷ *Х против Латвии*, п. 117.

эффективно оценить факторы, которые могут представлять собой исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка. В этой связи Комитет считает, что суд, выносящий постановление о возвращении ребенка, на момент вынесения такого постановления должен быть уверен в том, что будут приняты все необходимые меры для его безопасного возвращения. Поэтому Комитет считает, что решение о возвращении Х. М. в Испанию не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23.

8.10 Комитет, действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23.

9. Следовательно, государство-участник должно провести новую оценку ходатайства о возвращении Х. М. в Испанию, принимая во внимание прошедшее время и степень интеграции Х. М. в жизнь в государстве-участнике. Государство-участник также должно предоставить Х. М. эффективные средства правовой защиты в связи с допущенными нарушениями, включая адекватную компенсацию. Государство-участник также обязано предотвратить повторение таких нарушений путем обеспечения того, чтобы наилучшие интересы ребенка были главным соображением при принятии решений о международном возвращении, в соответствии со стандартами, изложенными в настоящем решении (см. п. 8.6 выше).

10. В соответствии с положениями статьи 11 Факультативного протокола Комитет просит государство-участника как можно скорее, но не позднее чем через 180 дней, представить ему информацию о мерах, принятых им в целях выполнения настоящих Соображений. Государству-участнику также предлагается включить информацию о соответствующих принятых мерах в свои доклады Комитету, представляемые в соответствии со статьей 44 Конвенции. Наконец, государству-участнику предлагается опубликовать Соображения Комитета и обеспечить их широкое распространение.
